

П.В. Шувалов

ВЕНЕДСКАЯ СЛАБОСТЬ И АНТСКАЯ СИЛА:

К вопросу об эпическом образе ранних славян¹

P.V. Shuvalov. The Weakness of the *Venethi* and the Strength of the *Anti*: on the Question of the Epic Image of the Early Slavs.

According to Iordanus' (i.e. Cassiodorus') *Getica* the *Venethi* are very numerous, but very unwarlike, the *Anti* are very heroic and strong. The message of these phrases in Iordanus' text is based on the epic Gothic sources. I think these ideas of heroic *Anti* and unwarlike *Venethi* are the traces of some mythological or, better to say, epic '*topoi*' of the Gothic tradition. It is very interesting to add there that the image of unwarlike and numerous *Venethi* is twice accompanied in the text of *Getica* by mentionings of the Ocean, the Huns and the Aestians. These images of the *Venethi* and the *Anti* existed in the Gothic culture at the end of 5th – early 6th centuries too. May be the Gothic mercenaries and generals of Gothic origin in the East-Roman army knew about this tradition. Therefore the Gothic epic image of *Venethi* should influence over the lack of real interest of Justinian to save big armies against the *Sklavenoi* on the Eastern Balkans at the time of Gothic War. The image of heroic *Anti* should help Constantinople to elaborate the treaty with *Anti*.

О ранних славянах мы имеем весьма подробные сведения источников, однако большинство из них описывает славян тогда, когда славяне уже соседят с балканскими провинциями восточно-римской империи. Обстоятельства же появления славян у границ империи от нас скрыты. Дело в том, что рубеж между славянской праисторией и историей, т.е. между периодом ещё плохо и периодом уже хорошо освещённым в письменных источниках, проходит по тому времени, когда славяне уже слишком сильно беспокоят империю. Ранние славяне, как и многие другие варвары, проникают к нижнедунайской границе империи как бы втихую, не засвечиваясь в дошедших до нас письменных источниках. Тем не менее ясно, что в этом позднем периоде славянской праистории кроются корни многих особенностей последующей истории ранних славян.² К этому времени, как я попытаюсь показать ниже, восходят также и странные устойчивые представления о какой-то особенной невоинственности или невооружённости славян. Следы воздействия таких представлений ощущаются практически во всех текстах VI – VII вв. (см. напр. этнографический экскурс Прокопия Кесарийского, раздел о славянах у Псевдо-Маврикия).

¹ Это часть большой работы, выполненной в рамках гранта № 841/1998 Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation.

² Начальной истории славян посвящена обширная библиография. Отшлю читателя к некоторым работам, суммирующим результаты исследований на сегодняшний день: Свод..., т.1 1991; Шукин 1997: 110-147; Шувалов 1998: 5 - 28. Kazanski 1999.

Попробуем же разобрать наиболее ранние свидетельства этих представлений, содержащиеся в тексте «Гетики» Иордана (сост. в 551 г.), перелагающем текст «Готской истории» Кассиодора (сост. к 533 г.). Кассиодор же, по его собственным утверждениям (напр.: Cassiod. apud Iord. Get.28, 38), учитывал преимущественно те свидетельства готской эпической традиции, которые находили себе подтверждения в сочинениях его предшественников, в частности в тексте писавшего по-гречески Аблавия (нач.VI в.). Аблавий использовал, кроме сочинений Приска, Дексиппа и Диона Хризостома, также и какие-то книги по истории готы, написанные на готском языке (Анфертьев 1991: 100). В основе же последних несомненно лежали готские эпические предания. Именно оттуда, судя по всему, и происходят те свидетельства о ранних славянах, которые нас сейчас и будут интересовать.

Итак, интересующие нас свидетельства восходят к эпической традиции и, следовательно, не могут быть проанализированы привычными для историков методами. Между текстом нашего источника и древней реальностью стояли эпические образы, развивавшиеся по особым фольклорным законам и существовавшие в особом эпическом пространстве.

Показателен сюжет из т.н. саги о готском короле Винитарии (Jord. Get. 246-249), повествующей о войне Винитария с антами и о казни их короля (rex) Боза с сыновьями и семьюдесятью первенствующими антами для наведения ужаса (exemplum terroris – Jord. Get. 247) в последней трети IV в. Инициатором войны был Винитарий:

война эта ему, по версии Кассиодора (в передаче Иордана), была нужна для того, чтобы продемонстрировать свою доблесть после позорного пребывания его народа под властью гуннов (*aegre ferens Hunnorum imperio virtute subjacere, ... suaque dum nititur ostendere virtute ... – ibid.*). Следовательно, Винитария в этой войне была важна в первую очередь, победа, а не выбор врага. А поскольку возмутителем спокойствия был сам Винитарий, то врага Винитарий выбрал сам, и при том наиболее подходящего. Выбирать же он мог из большого списка. Действительно, среди кандидатов могли быть и другие группы готов (напр., готы Гезимунда – *Jord. Get.248*), и аланы, и сами гунны, не говоря уже о более далёких соседях (вандалы, гепиды и т.д.). Враг должен был быть выбран для этой битвы не очень сильный (чтобы наверняка), но и не захудалый (чтобы всё-таки произвести впечатление). Значит, с точки зрения Винитария (точнее: с точки зрения этой готской саги) анты обладали к этому моменту некоторым и достаточно высоким военным престижем! Что, впрочем, и подтверждается ходом событий: в первом сражении анты таки разбили Винитария, уступив ему, однако, позже (*Jord. Get. 247*). Победа эта была столь внушительна, что дала Винитария и его готам свободу (*Jord. Get. 248: libertas*) от гуннов, так что вождь гуннов Баламбер был вынужден для восстановления своего престижа и власти начать трудную войну против Винитария. Итак, готы Винитария показали, что они сильнее антов, что фактически стало означать, что они одновременно стали и не слабее гуннов. Иначе говоря, эти эпические анты по силе сравнимы с гуннами! Наверяд ли такой поворот событий свидетельствует о каком-то союзе гуннов с антами, как считают некоторые исследователи (ведь это эпический источник, а не хроника!). Скорее, здесь опосредовано отражена эпическая (а м.б. и реальная ³) шкала политического веса тогдашних народов и их правителей (что-то наподобие знаменитых тул англо-саксонского «Видсида»: Шувалов 1998: 25-30.). Принимать же предположение А.Н.Анфертьева (Анфертьев 1991: 159 комм.254.), что анты в данном эпическом контексте уже мыслились как какие-то великаны, а не как реальный народ, на мой взгляд, совершенно не обязательно.

Зато о венетах наш источник повествует иначе. Во-первых, венеты упомянуты в иордановом описании Скифии (*Jord. Get. 34*), где после упоминания гепидов и связанного с гепидами описания рек и границ траяновой Дакии, окружённой венцом Альп-Карпат (*Jord. Get. 33* и

³ Ведь Винитарий — или его реальный исторический прототип — должен был основывать выбор врага для показательной войны, конечно же, на всё той же шкале эпических ценностей: навряд ли тогда у готов существовало какое-то иное восприятие окружающего мира, кроме эпико-мифологического.

начало 34), Кассиодор (в изложении Иордана) сообщает, что к северу от этих Альп, начиная от устья Вислы, на огромных пространствах расселён многочисленный народ венетов. После этого следует, по остроумному наблюдению Моммзена, вставка то ли Кассиодора в текст его источника, то ли Иордана в текст Кассиодора (*Jord. Get. 34-35: quorum nomina ... ab invicem absunt*). Основной текст, в который была осуществлена эта интерполяция, продолжается дальше (*Jord. Get. 36*) упоминанием Океана, видивариев и эстов. О том, кому мог принадлежать этот основной текст судить трудно. Но важно, что в нём основная черта венетов — их многочисленность: об этом прямо сказано в источнике (*Jord. Get.34: natio populosa*), и, кроме того, указаны границы огромной занимаемой ими территории (от Моравских Ворот по бассейну Вислы на север ⁴ — *Jord. Get.34.*). Важно, что эта территория очерчена иначе у этих венетов здесь (§ 34), чем очерчивается ниже территория склавинов и антов (§ 35). Так что это свидетельство о многочисленности венетов явно независимо от традиции о склавинов и антах. При этом в нём явно есть и отражение какого-то устойчивого образа многолюдности венетов, и конкретные реальные (с точки зрения автора текста) данные о величине их территории.

Во-вторых, в нить повествования т.н. саги о Германарихе (*Jord. Get. 116-130*) вплетён сюжет войны Германариха с венетами (*Jord. Get. 119*), следующий за описанием подчинения Германарихом герулов (*Jord. Get. 117-118*). Не вдаваясь в смысл этих походов Германариха, отмечу лишь одно важное обстоятельство. Здесь венеты презренны своей невооружённостью, но при этом сильны своей численностью (*quamvis armis despecti, sed numerositate pollentes*). Однако и эта сторона «*робких, слабых и невоинственных*» (*inbelle!*) венетов ничего не значим (*nihil valet multitudo inbellium*), в осо-

⁴ Не отголосок ли это старого янтарного пути? — Действительно, Кассиодор (Аблавий?) описал здесь карту, на которой были изображены, как значимые ориентиры Карпаты и истоки Вислы. Там же возможно был обозначен и старый янтарный путь на север к низовьям Вислы. Однако, описание венетов в этом месте (§ 34) не носит чисто картографического характера. Это является серьёзным доводом против гипотезы А.Н.Анфертьева о том, что источником описания венетов Кассиодором была только какая-то карта тацитовской традиции: на карте, которую использовал Кассиодор конечно же могли быть тацитовские венеты, но кроме неё у Кассиодора несомненно был ещё какой-то источник по венетам. При чтении этого отрывка трудно подавить ощущение того, что Кассиодор (Аблавий?) наложил здесь на данные карты дополнительную информацию, полученную им прямо или, скорее, опосредовано из современных ему источников. В частности, это касается темы многочисленности венетов. Таким образом, за текстом Иордана проступает присутствие реальных «венетов» на древнем янтарном пути уже во второй половине V — начале VI в. См. также: Шувалов 1989: 115—120.

бенности (*praesertim ubi*) когда против них выступает хорошо вооруженное войско с божьей помощью. Они пытаются сначала противостоять готам, однако оказываются, несмотря на свою многочисленность, бессильными против воли бога (Одина?), покровительствующего Германариху, и против готского войска.

Оба эти пассажа о венетах связаны друг с другом упоминанием рядом с венетами эстов, Океана и гуннов (Jord. *Get.* 36-37; 120-121). В обоих пассажах венеты многочисленны. Во втором – эта многочисленность является единственным качеством, которое могло бы как-то ещё скомпенсировать их непригодность к войне. Впрочем, ясно, что в данном случае эта слабость венетов явно не мыслится как следствие их, допустим, лёгкого вооружения⁵. Действительно, только что (Jord. *Get.* 118) речь шла о лёгком вооружении герулов, однако герулы, тем не менее, не презренны. Презренны только венеты.

Итак, в тексте Иордана вырисовывается совершенно различное отношение к антам и венетам. Анты котируются, и видимо являются, серьёзным военным противником, – с венетами же связано какое-то, видимо, широко распространённое мнение об их военной беспомощности, невооружённости и слабости, даже в случае серьёзного численного превосходства с их стороны. И при этом в том же источнике говорится, что анты и венеты (наряду со склавинами) происходят от одного корня! Это утверждение так или иначе напоминает знаменитое место у Прокопия Кесарийского о крайней схожести антов и склавинов, в результате чего возникает соблазн распространить эту схожесть и на венетов, не известных Прокопию. Получается, что столь схожие народы оказываются кардинально различными: одни доблестны, другие невоинственны. Чем же это различие можно объяснить? Рассмотрим возможные источники текста Иордана о венетах и антах.

Анты в рассмотренном пассаже несомненно происходят из готской эпической традиции. Без темы военного престижа антов нить саги о Винитарии разрывается. Следовательно, анты в этой саге исконны и не принадлежат к позднейшей интерполяции.

Пассаж с венетами и Германарихом также, скорее всего, происходит из текста готского предания. Венеты же в описании Скифии заслуживают особого внимания. Основной текст этого описания Скифии явно воспроизводит какую-то карту.⁶ Не буду здесь вдаваться в её характеристику, укажу лишь, что, на мой взгляд, её описание попало в текст Кассиодора через посредство какого-то специального описания всей (!) евразийской Скифии (после?)-аттиловского вре-

мени (м.б. это Приск?). Трудно решить, было ли имя венетов на этой карте. С одной стороны, венеты в нашем описании карты трагически одиноки на территории к северу от Карпат, в то время как на карте скорее всего там была бы ещё масса других названий (вандалы, лугии, бургунды и т.д.). С другой стороны, они очень прочно связаны с географическим описанием. Для нас же важно, что в любом случае автор (Приск, Аблавий, Кассиодор?) явно выделил здесь венетов особо. Тема же многочисленности венетов, скорее, восходит не к карте, а является посторонним дополнением, взятым из какого-то иного источника. При этом, если какие-то венеты уже и были ранее на этой карте, то их наш автор успешно отождествил с другими известными ему венетами, знаменитыми своей многочисленностью. Прав А.Н.Анфертьев, что венеты карты могут восходить к воинственным венетам Тацита (*Tac. Germ.* 46,2), или по крайней мере, на нашем тексте чувствуется влияние образа тацитовских венетов. Однако, тацитовское описание принципиально (!) отличается от иордановского: там венеты не слабы, не презренны и не многочисленны. Следовательно, «многочисленные и презренные венеты» должны иметь иной источник. Не тот же ли источник, что и источник венетов Германариха? Действительно, м.б. и здесь мы также имеем влияние той же готской эпической традиции: и здесь, и там просматривается явно один и тот же образ неких многочисленных, но презренных своей слабостью **winidōs*, связанных в обоих случаях с эстиями, Океаном и гуннами.

Представляется возможным предложить следующую гипотезу. В восточно-германской (готской, в первую очередь) среде V века существовали устойчивые легендарные образы слабых венетов и сильных антов. Эти образы были связаны с реальными соседями готов: с реальными антами и может быть с какой-то частью будущих склавинов. Затем, когда античный мир впервые познакомился вплотную с этими раннеславянскими народами, то, естественно, в среде греко-римской политической элиты возник интерес к новым соседям. Поскольку напрямую информацию в таких случаях бывает трудно получить по причине неналаженности контактов, то в дело вступает культура-переводчик. Эту роль, естественно, в начале VI века исполнили готы, составлявшие основу военной элиты на дунайском пограничье империи. В результате в греко-латинском мире укореняются два мало связанных между собой образа: слабых венетов и сильных антов. Это мы и видим в тексте Иордана (напр. во вставке то ли Кассиодора, то ли Иордана – Jord. *Get.* 35: *Antes vero, qui sunt eorum fortissimi...*). Следует заметить, что этой готской эпической традиции не свойственно воспринимать антов и склавинов, как одно целое. Последних она, видимо, вообще не знает: место склавинов в ней занимают венеты.

⁵ См., однако, возможность и противоположного объяснения: Шувалов 2001.

⁶ См. разработки А.Н.Анфертьева (Анфертьев Иордан 1991).

Исток же распространённого в поздней античности представления о близости антов к склавиным явно иной: может быть, это сами славяне? или гунны?

Любопытны, однако, политические последствия таких представлений древних о венетах и антах. Эти образы очень сильно повлияли на реальную политику империи последующих десятилетий. Они, видимо, глубоко проникли в менталитет военно-политической элиты империи. Сила антов – общее место в историографии VI в. См. напр. о присущей антам доблести (τῆ σφετέρᾳ ἀρετῇ – Прокоп. Caes. bell. VII,22,5) и о том, что анты принадлежат к числу лучших и отборных варваров-наёмников (Прокоп. Caes. bell. VII,18,29; Иванов 1991: 233 комм.117). Поэтому-то Юстиниан, видимо, находясь под влиянием этого образа, и стремился заключить союз с сильными антами, и может быть заключил его в конце концов (Прокоп. bell. VII, 14, 32-33). Образ же склавинов формировался в сознании имперской военно-политической элиты под сильным влиянием готской традиции о презренных венетах, единственной сильной стороной которых была их многочис-

ленность. Ясно, что не в традиции римской армии было уделять большое внимание фактору многочисленности врага. Поэтому-то и опасность со стороны склавинов (читай: венетов, с точки зрения готской традиции) Юстиниан явно недооценил, не позаботившись заранее о нейтрализации этой опасности. И вот, как только войско империи во время войны с готами в Италии начинает испытывать трудности, склавины переходят к глубоким разбойничьим рейдам на Балканы. Это вызывает не только какой-то странный паралич оборонительной системы империи на Балканах, но также и взбудораживает общественное мнение. Последнее нам известно по патетическому отношению Прокопия Кесарийского к этим склавиным рейдам. Но почему же оборона Балкан оказалась столь беспомощной, а склавины столь кровожадными (по Прокопию, по крайней мере)? – Напрашивается очевидное объяснение: в Константинополе недооценили реальный военный потенциал склавинов из-за того, что в среде военной элиты VI века господствовал эпический по своему происхождению образ слабых венетов, отождествлявшихся с реальными склавиными.

ЛИТЕРАТУРА:

- Анфертьев А.Н. 1991. Иордан // Свод... т.1. С. 98-160.
 Иванов С.А. 1991. Прокопий Кесарийский // Свод... т.1. С. 170-250.
 Свод... т.1 1991 – Свод древнейших письменных известий о славянах / ред. Л.А.Гиндин, Г.Г.Литаврин, т.1, М.: Главная редакция восточной литературы.
 Шувалов П.В. 1998. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания, языки балканского региона, ч. 2 (славянские языки) / ред.: А.В.Десницкая, Н.И.Толстой. СПб.: Наука. С.5 – 28.
 Шувалов П.В. 1998. Структура «Видсида» и эпическое время // Ладога и эпоха викингов. 4-ые чтения памяти Анны Мачинской. Ст.Ладога 21-23 дек. СПб. С.25-30
 Шувалов П.В. 2001. Оружие ранних славян // Сборник памяти Горюнова СПб., (в печати).
 Щукин М.Б. 1997. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. СПб. С.110-147.
 Kazanski M. 1999. Les Slaves: les origines (Ier-VIIe siècle après J.-C.). Paris.